

А. ГАРКАВИ

УТВЕРЖДЕНИЕ МУСУЛЬМАНЪ

ОВЪ

УПОМИНАНИИ МУХАММЕДА ВЪ ПЯТИКНИЖИИ МОИСЕЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1896.

Напечатано по распоряжению Императорского Русского Археологического Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

пріятія въ Мухаммѣдѣ возрастили смѣлость и желаніе эмансирироваться отъ опеки первоначальныхъ своихъ учителей, держаться свободнѣе и независимѣе отъ своихъ источниковъ въ изложениіи фактовъ прошлаго, и въ отвѣтъ на критическія замѣчанія противниковъ онъ сталъ утверждать, что ихъ традиції невѣрны, поддѣльны, и что подлинное откровеніе находится только у него. Само собою разумѣется, что впослѣдствіи толкователи Корана пошли гораздо дальше по этому направленію, и образчикомъ ихъ повѣствованій можетъ служить слѣдующій разсказъ Суди, приведенный въ *Тафсиръ* Са'лаби (ко 2-й сурѣ, ст. 100): злые духи (шайтаны) поднялись на небо и подслушали бесѣды ангеловъ о событияхъ, существующихъ происходить на землѣ, какъ напримѣръ о кончинѣ (энаменитыхъ людей) и т. п. Подслушанное ими эти духи передали прорицателямъ (кâнинамъ), примѣшивая много лжи, такъ что на каждое правдивое слово приходилось 70 ложныхъ. Все это было написано и распространено между сынами Израїля¹⁾). Разумѣется, что при такой системѣ каноническія книги іудеевъ и христіанъ сдѣлались вполнѣ безвредными для правовѣрныхъ мусульманъ, и не малое количество цитать изъ Ветхаго и Новаго Завѣтovъ было искажено, обозображенено, или даже совсѣмъ вымыщлено.

Съ другой стороны нельзя отрицать того, что въ Коранѣ и у его экзегетовъ, у арабскихъ историковъ, географовъ и полигисторовъ, находится много вѣрныхъ или почти вѣрныхъ ссылокъ на библейскія книги, и тамъ даже, гдѣ библейскія цитаты ошибочны, мы весьма часто можемъ указать причины и источникъ этихъ ошибокъ, какъ напримѣръ невѣрное чтеніе слова, невѣрное пониманіе неяснаго выраженія, такъ что тутъ ошибка сдѣлана *bona fide*. Отсюда вытекаетъ необходимость, когда имѣешь предъ собою библейскую цитату у арабскаго и мусульманскаго писателя, разсмотрѣть къ какой изъ вышеуказанныхъ категорій она относится, и не торопиться обвинениемъ въ отсутствіи *bona fides*. Разсмотрѣнію причинъ и указанію источника одной подобной цитаты посвящена настоящая замѣтка.

Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ журнала нѣмецкихъ ориенталистовъ г. Густавъ Рѣшъ старается объяснить изреченіе, приписываемое Ибнъ-Аббасомъ пророку Мухаммedu²⁾). Извѣстіе Ибнъ-Аббаса гласить: «Пророкъ сказалъ: Мое имя въ Коранѣ гласить такъ, какъ въ *Taurat*, т. е. *Мухаммѣд*, а въ *Инджилъ* оно гласить *Ахмѣдъ*³⁾). Въ настоящей замѣткѣ займемся разборомъ первой части этого извѣстія, т. е., что имя *Мухаммѣдъ*

1) Sprenger, Leben и Lehre des Mohammad, II, 378 прим.

2) ZDMG., XLVI, p. 437—440.

3) Халаби у Шпренгера I, 158.

значится въ Пятикнижії. Рѣшъ въ своемъ объясненіи, не находя въ самомъ Пятикнижії никакой точки опоры, принимаетъ здѣсь слово *Taуратъ* въ смыслѣ Ветхаго Завѣта, причемъ онъ останавливается на трехъ комбинаціяхъ: одно толкованіе при помощи стиха изъ пророка Аггея, другое— изъ пророка Даніила, а третье изъ Псалмовъ Давида. У первого изъ этихъ пророковъ, на что указалъ Дейтшъ Шпренгеру¹⁾, находится стихъ (II, 7): «И потрясу (или: встревожу) всѣ народы, и придетъ желаемый всѣми народами» и т. д., гдѣ слово *желаемый* по еврейски значится *תִּמְךָן* (st. constr. отъ *תִּמְךָנָה*), слово, имѣющее сходство съ именемъ Мухаммеда. Этотъ стихъ согласно толкуется евреями и христіанами догматически, какъ указаніе на Мессію. Въ книгѣ пророка Даніила, какъ указалъ Гиршфельдъ²⁾, находится три раза (IX, 23. X, 11, 19) прилагательное *желанный*, по еврейски *תִּמְךָנָה*, въ примѣненіи къ самому пророку разговаривающимъ съ нимъ ангеломъ.

Въ Псалмахъ, наконецъ, находится стихъ (СХVIII, 26): «Благословенъ грядущій во имя Господне», гдѣ соответствующее слову *благословенъ* еврейское *תַּרְבֵּז* могло бы, по мнѣнію Рѣша, быть переведено по арабски словомъ *мухаммадъ* (восхваленъ, восхваляемый). Изъ этихъ трехъ толкованій Рѣшъ, впрочемъ, отдаетъ преимущество первому.

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что ни одно изъ означенныхъ толкованій не можетъ быть допущено. Правда, то обстоятельство, что все три указанныя Рѣшомъ мѣста взяты не изъ Пятикнижія, а изъ пророковъ, не можетъ служить серьезнымъ возраженіемъ, такъ какъ мы находимъ у арабскихъ писателей примѣры распространенія названія *Taуратъ* на весь Ветхій Завѣтъ³⁾. Да и у самихъ евреевъ, у которыхъ мусульмане заимствовали это название, слово *תּוֹרָה* (тора, ученіе) въ обширномъ значеніи употребляется не только для обозначенія всего Ветхаго Завѣта, но даже и религіозныхъ сочиненій раввиновъ⁴⁾. Но мы увидимъ ниже, что въ данномъ случаѣ намъ вовсе нѣть надобности отступить отъ обыкновенного болѣе тѣснаго значенія слова *Taуратъ*.

Главные же недостатки толкованій Рѣша слѣдующіе. Во-первыхъ, все три приведенные имъ мѣста совсѣмъ непригодны для прославленія Мухаммеда. Правда, что первое мѣсто, а нѣкоторыми комментаторами и третье

1) Sprenger, ibid. I, 159.

2) Hirschfeld, Jüdische Elemente im Koran, 1878, p. 71.

3) Такіе примѣры можно найти въ статьѣ Бахера въ журнале Jeschurun, B. VIII, p. 22, 25 ff.

4) Какъ напримѣръ въ выраженіяхъ *עומק בהוראה* (занимается торой) и *כל התורה כולה* (вся тора въ совокупности).

мѣсто, было отнесено къ Мессії; правда также и то, что Ибнъ-Исхакъ¹⁾ приводить разсказъ о томъ, что шесть хазраджитовъ изъ Медины признали въ Мухаммедѣ того Мессію, котораго ожидали ихъ еврейскіе союзники.

Очень возможно также, что между 1000 прозваній Мухаммеда у позднѣйшихъ мусульманъ²⁾ находится также и название *Месихъ*, но вообще въ первое время ни самъ Мухаммедъ, ни его приверженцы, не отожествляли его съ Мессіей и словомъ *месихъ* обозначали Іисуса Христа, откуда прозваніе *абд-эль-месихъ* для христіанина. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что предположеніе Рёша о возможности перевода еврейскаго корня **מֶשִׁיחָ** арабскимъ, болѣе чѣмъ невѣроятно, такъ какъ глаголъ **كَلَّا** имѣеть въ арабскомъ то же значеніе, что и въ еврейскомъ, и всегда служить въ переводахъ для передачи послѣдняго. Что же касается втораго мѣста, гдѣ употребляется прилагательное *לוֹדוּמָה* и *לוֹדוּמָה שֵׁיחָ*, то въ виду того, что оно тамъ несомнѣнно соединено съ именемъ Даниила, опо никоимъ образомъ не можетъ быть пріурочено къ другому лицу.

Во-вторыхъ, Рёшъ упускаетъ изъ виду, что въ преданіи Ибнъ-Аббаса рѣчь идетъ о двухъ именахъ, происходящихъ отъ одного и того же корня *хамада* (Мухаммедъ и Ахмедъ) и говорится положительно, что одно изъ нихъ находится въ Ветхомъ, а другое въ Новомъ Завѣтѣ. Слѣдовательно, если вообще придадимъ значеніе этому сказанію, необходимо найти въ Ветхомъ Завѣтѣ форму имени, ближе подходящую къ Мухаммеду, чѣмъ къ Ахмеду, и недостаточно указать вообще на слово, въ которое входитъ корень *хамадъ*.

Изъ всего сказанного легко усмотрѣть, что предположенія Рёша не выдерживаютъ и снисходительной критики, и что для объясненія сказанія Ибнъ-Аббаса намъ необходимо подыскать болѣе правдоподобное толкованіе. На вопросъ: имѣютъ ли вообще преданія Ибнъ-Аббаса какое-либо значеніе и стоитъ ли трудиться надъ ихъ объясненіемъ? — конечно, долженъ былъ бы послѣдовать утвердительный отвѣтъ, такъ какъ этотъ двоюродный братъ пророка по справедливости считается столпомъ экзегетики Корана и мусульманской традиціи. Но то обстоятельство, что текстъ его комментаріевъ въ разныхъ редакціяхъ представляетъ множество различій и даже противорѣчій, и что во всемъ, что касается іудейства, онъ служилъ лишь отголоскомъ весьма подозрительнаго Кааба аль-Ахбара — значительно умаляеть достоинство приписываемыхъ ему преданій. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что при смерти Мухаммеда Ибнъ-Аббасу было только 13 лѣтъ и едва ли онъ могъ

1) Sprenger, II, 523—524.

2) ZDMG. 1878, p. 373.